

— Хэ Тао, вещи, что прислал Чжуан Лин, уже занесли на склад? — Хань Хэн смочил целебным зельем кожу за ушами и осторожно стянул маску.

Служанка давно привыкла к настоящему лицу хозяина. Оно не пугало её; напротив, Хэ Тао радовалась тому, что входила в число немногих доверенных лиц, кому позволялось видеть Хань Хэна без прикрас. К тому же госпожа, похоже, всерьёз подумывала сделать её личной наперсницей и будущей наложницей молодого господина. Увидев, как ловко Хань Хэн всего за одну ночь распутал запущенные за десять лет счета Сада Сюэ, девушка окончательно превратилась в его преданную тень.

— Всё переписали, господин, и передали через дядю Ли.

Хань Хэн устало зевнул. Стоило ему нагнуться, как Хэ Тао участливо спросила:

— Молодой господин, опять ноги ломит?

— Да, нагулялся сегодня... Совсем ослаб без тренировок, — пробормотал он.

Хань Хэн уже и позабыл, когда в последний раз держал себя в форме. В прошлой жизни он ежедневно пропадал в спортзале под присмотром личного тренера, отрабатывая строго расписанную программу. Иначе на съёмках долго не протянешь: летать на лонжах под куполом или сутками напролёт сниматься в ночных сценах — удовольствие сомнительное.

— Тренировок? — не поняла служанка.

— Да так, не бери в голову, — отмахнулся он. — Лучше разомни мне икры, у тебя руки лёгкие. Завтра снова весь день на ногах. — Хань Хэн прикрыл глаза, но тут же вспомнил о важном: — А то дело, о котором я просил передать дяде Ли? Ты поговорила с ним?

— Ещё два дня назад всё пересказала. Сегодня дядя Ли заходил и подтвердил, что нашёл надёжных покупателей из других краёв. Чжуан Лин ни о чём не проведаёт, — тихо ответила Хэ Тао, но в её голосе зазвучала тревога: — Только... это ведь подарки от всей души. Неужели и правда стоит их продавать?

Хань Хэн на мгновение заколебался, его пальцы невольно сжались, но он так и не открыл глаз.

— Пусть дядя Ли подробно запишет, какая вещь кому ушла, и сразу обговорит условия выкупа.

— Тогда не проще ли заложить их в ломбард?

Хань Хэн приоткрыл один глаз и с укором посмотрел на девушку:

— У здешних оценщиков глаз намётан, да и слухами земля полнится — мигом всё разнесут. Нет, пусть дядя Ли договорится с заезжими купцами: в течение трёх месяцев мы обязуемся выкупить вещи обратно, переплатив сверху тридцать процентов от первоначальной цены.

— Не слишком ли большая переплата?

— А иначе с чего бы им беречь наш товар и ждать? — резонно возразил Хань Хэн.

К тому же через три месяца эта наценка покажется ему сущими копейками.

На душе у Хань Хэна было беспокойно, поэтому спать долго он себе не позволял. Настроив внутренние биологические часы, он отвёл на отдых всего четыре часа — с одиннадцати вечера до трёх утра. На дворе стояла глухая темень, когда в его комнатах уже затеплился огонёк свечи.

— Не нужно со мной сидеть, ступай спать, — бросил Хань Хэн, даже не подняв головы от стола.

Хэ Тао лишь порадовалась тому, какой у неё работающий и чуткий господин. Зная его привычки, она понимала: в предрассветные часы он полностью уйдёт в свои мысли, выписывая причудливые знаки на бумаге, и застынет так, словно изваяние. Пристроив чайник с водой на тлеющие угли маленькой жаровни, служанка бросила на него долгий взгляд и тихонько выскользнула за дверь.

Для последней десятки номеров Хань Хэн выбрал три незамысловатых, но въедливых хита, которые гремели незадолго до его гибели. Тексты к ним, правда, ещё предстояло переписать: в оригинале там высмеивалась жизнь в соцсетях, что совершенно не вязалось с местными реалиями. Чтобы наполнить их смыслом, нужно было пройтись по улицам и разузнать, какими нелепостями и сплетнями дышит здешний люд. Ещё четыре песни он оставил в традиционном стиле — простом и понятном, далёком от той возвышенной классики, что обычно исполняли в Башне Слушания Лебедей. Из оставшихся трёх номеров две песни были переделками известнейшей поп-музыки, а последнюю он добавил исключительно ради себя — это был его собственный, так и не вышедший сингл.

Запись этого мини-альбома Хань Хэн выиграл на одном популярном телешоу. Он думал, что наконец-то пробьётся на большую сцену, но дебют оборвался, так и не начавшись: бездыханное тело начинающего певца отправили на дно озера. Что ж, пусть эта песня прозвучит здесь — хоть какая-то компенсация за несправедливость и обиду прошлой жизни.

С первыми лучами солнца в покои вошли служанки. Вчетвером они принялись умывать Хань Хэна, причёсывать его и подносить воду для полоскания рта. Обычно подобные церемонии его раздражали — он чувствовал себя беспомощным калекой, — но после бессонных ночей усталость брала своё. Тело слушалось неохотно, мысли ворочались со скрипом, и окончательно

прийти в себя Хань Хэн мог только после плотного завтрака.

Сегодня Хань Хэн решил взять с собой на прогулку охранника, присланного Чжуан Лином. Зачем? Ему позарез нужно было найти замену современному сценическому освещению. Если не отыщет ничего подходящего, придётся раскошелиться на светящиеся жемчужины.

По счастью, северные земли Бэйшо славились драгоценными камнями, и такие жемчужины стоили не так баснословно дорого, как он опасался. За нить бусин размером с мизинец просили около десяти лянов серебра. Для выступления каждому артисту требовалось закрепить их на запястьях и щиколотках — итого по четыре нити на человека.

Сумма выходила приличная. Хань Хэн окинул своего провожатого задумчивым взглядом.

— Как тебя зовут, напомни? — Хань Хэн поправил широкие рукава и скользнул по мужчине ленивым взглядом.

Он уже неплохо ориентировался на столичных улицах, а потому шёл не спеша, попутно прицениваясь к товарам на прилавках. Ему ещё предстояло выбрать румяна и пудру, но тащить покупки на себе он не собирался — присмотрит подходящие, а позже пришлёт за ними слуг.

— Цзячу, — коротко отозвался тот.

Люди Чжуан Лина славились молчаливостью. Цзячу держался с достоинством, присущим вышколенным княжеским телохранителям: ни тени заискивания, но и без лишней спеси. Одного его грозного вида — в чёрном дорожном одеянии и с длинным клинком за спиной — хватало, чтобы прохожие испуганно шарахались в стороны, уступая дорогу Хань Хэну.

— Я зайду в лавку присмотреться к румянам, — Хань Хэн указал на вывеску неподалёку. — Ступай выпей чаю, это может затянуться. — Он велел сопровождавшему его слуге протянуть Цзячу кошелек с монетами. — Тут немного, чисто на чай. Не хватит — скажешь.

Вообще-то главным финансовым источником для него должен был стать сам Чжуан Лин, но до этого дело пока не дошло. Цзячу же был его единственным щитом, а Хань Хэн, успев однажды умереть, обзавёлся обострённым инстинктом самосохранения и дорожил своей шкурой как никогда.

В Бэйшо круглый год стояла сушь. Местные жители, некогда бывшие кочевниками, после перехода через заставу постепенно смешались с южанами, переняв многие их обычаи. Впрочем, к женщинам здесь относились куда лояльнее, чем думал Хань Хэн. Местные барышни спокойно разгуливали по улицам, набросив на голову лёгкие шляпы с вуалью, а иные даже лихо скакали верхом на охоту. Суровый сухой климат не щадил кожу горожанок, делая её грубой и обветренной, поэтому здешние косметические лавки ломились от увлажняющих притираний, мазей и густых румян.

Хань Хэн с любопытством рассматривал баночки. В прошлой жизни он неплохо разбирался в уходовой и декоративной косметике и даже подумывал открыть собственное дело, как только накопятся свободные средства. Дарить людям красоту — занятие благородное, к тому же прибыльное и увлекательное. Одно плохо: здешние кремы пахли слишком навязчиво, парфюмеры явно не жалели тяжёлых благовоний.

— Уважаемый гость заметил нашу мазь цветов персика? — Лавочник, давно наблюдавший за Хань Хэном, сразу определил в нём богатого покровителя по дорогому платью и тому, как придиричиво тот вдыхал ароматы. — У нас есть три оттенка. Тот, что у вас в руках — густо-пурпурный, а есть ещё нежно-розовый и белоснежный, как цветки груши.

— Доставай всё, что у тебя есть, — бархатным голосом произнёс Хань Хэн. — Я посмотрю.

Торговец так и просиял:

— С удовольствием! Какого рода средства вам угодны?

— Все без исключения, — Хань Хэн тонко улыбнулся.

Он вдруг лукаво взглянул, придав облику мимолётное, почти завораживающее изящество.

— Договорились! Прошу в залу, почтенный гость! Цуйхун, завари нашему дорогому гостю лучшего чая на цветках сливы, да поскорее!

Осмотр многочисленных белил и притираний затянулся до самого полудня. В итоге Хань Хэн отобрал около десятка лучших образцов, оставил торговцу задаток в двадцать лянов серебра и записал его имя, пообещав вернуться, как только уляжется суeta вокруг Башни Слушания Лебедей. Напоследок он бросил взгляд в висевшее у выхода бронзовое зеркало и невольно вздохнул от недовольства своим невзрачным видом.

Стоило гостю переступить порог, как хозяйка лавки поправила шаль и содрогнулась, потирая предплечья:

— Ох, матушки... Не девка ли это переодетая была? Уж больно манеры чудные.

— Тебе-то что за забота? — цыкнул на неё муж, потирая руки от предвкушения прибыли. — Главное — товар подготовь. Человек при деньгах, а мужчина это или женщина — дело десятое. Наш личный бог богатства, вот кто он!

Лавочник в душе надеялся, что этот странный, вызывающий мурашки господин заглянет к ним

ещё не раз.

Тем временем Цзячу продолжал неподвижно сидеть в чайной лавке напротив. Своим суровым, словно отлитым из чугуна видом он распугал всех редких посетителей. Хозяин заведения, глотая слёзы, лишь обречённо вздыхал возле дымящегося котла.

Вдруг к чайной ленивой походкой приблизилась молодая девица с корзиной цветов на локте. Пристроившись за соседний столик, она не торопясь осушила пиалу, после чего поднялась и ушла, «позабыв» свою корзину на лавке.

Цзячу едва заметно прищурился. Он скользнул мозолистыми пальцами по дну корзины, раздвинул ворох увядших лепестков и ловко выудил крошечную записку.

Выйдя на улицу, Хань Хэн не обнаружил своего телохранителя. В паре шагов дымила чайная, но там, кроме грустного старика у жаровни, никого не было. Посланный разузнать слуга вернулся с вестью: чёрный всадник покинул заведение некоторое время назад.

«Не мой слуга, не мне и приказывать», — рассудил Хань Хэн. Решив, что у воина нашлись неотложные дела по приказу принца, он велел трактирщику передать Цзячу, если тот вернётся, что они отправляются назад в Сад Сюэ.

Поскольку целью прогулки был выбор товаров, а до Сада Сюэ оставалось всего ничего, Хань Хэн решил пройти пешком. Путь лежал через длинный и неприметный глухой переулок.

Но стоило ему углубиться в тень кирпичных стен, как грянула беда. Это было второе похищение в его новой жизни, разыгранное по классическому, до боли знакомому сценарию: внезапный рывок из подворотни, наброшенный на голову мешок и влажная тряпка с дурманящим зельем, намертво прижатая к лицу.

Сознание возвращалось медленно. Очнувшись, Хань Хэн обнаружил вокруг сплошную тьму — голову стягивал плотный холщовый мешок. Мерная тряска, заунывный скрип тележных колёс и перестук копыт подсказали ему, что его куда-то везут в повозке.

Нащупав ногой пространство вокруг себя, он понял, что в кузове никого нет.

«Твою ж мать!»

Сознание Хань Хэна взорвалось паникой. Неужели и этой жизни пришёл конец?

Попытавшись пошевелить руками за спиной, он наткнулся на грубые путы толщиной с мизинец. Верёвка нещадно врезалась в кожу, заставляя изнеженное тело Хань Хэна корчиться от зуда и боли — наверняка на запястьях уже вздулись багровые рубцы.

В рот ему запихнули пару старых грецких орехов, отчего щёки раздулись, лишая всякой возможности издать хоть какой-то членораздельный звук. Руки были стянуты за спиной, щиколотки опутаны — при каждом крутом повороте или толчке Хань Хэн беспомощно валился на бок, сокрушительно прикладываясь головой об обшивку экипажа. Лоб уже украшали несколько чувствительных шишек.

Прежде чем он успел придумать план спасения, повозка остановилась. Хань Хэн затаил дыхание и наострил уши, ловя звуки приближающихся шагов.

Снаружи донеслись приглушённые голоса:

— Прямо здесь сгружаем?

— Да. Давай по-тихому. Парню не повезло: надо же было так глупо вляпаться и перейти дорогу Чжуан Яню.

Хлёсткий удар ладонью оборвал говорившего.

— Язык за зубами держи, придурок, и делай что велено. Тащи его сюда.

Его бесцеремонно выволокли наружу. С головы сорвали мешок, и хлынувший дневной свет ослепил Хань Хэна. Потребовалось несколько минут, чтобы зрение вернулось, а вместе с ним — и понимание происходящего.

Осмотревшись, он чуть не взвыл от бессильной ярости.

«Снова топить?! Да ладно! Эй, у госпожи Судьбы проблемы с фантазией или как?!»

Прямо перед ним простиралась бескрайняя гладь глубокого озера. Недвижная вода отливала густой зеленью нефрита. Одного взгляда хватало, чтобы понять: пучина здесь бездонная, и если уйти на дно, то даже пузырей на поверхности не останется.

— Не обессудьте, господин Хань, — заговорил один из душегубов. — Сами мы люди подневольные, так что зла на нас не держите.

Хань Хэн мысленно застонал, разглядывая похитителей. Нынче даже мелкие разбойники поумнели: натянули на головы мешки с прорезями для глаз, чтобы лиц не выдать.

— Как помрёте, чур, призраком к нам не приходить, ладно?

Хань Хэн отчаянно замычал, замотав головой. В его прекрасных, способных растрогать даже каменное изваяние глазах заблестели слёзы страха и мольбы.

<http://bllate.org/book/20487/2189566>